DOI 10.15593/perm.kipf/2018.2.03

УДК 330.836+321.7

ТЕХНОКРАТИЯ VS ДЕМОКРАТИЯ: ВОЗМОЖНА ЛИ СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ТЕХНИКИ В КИТАЕ?

Е.В. Середкина

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, Пермь, Россия

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2506-2374>

Целью данного исследования является анализ феномена китайской технократии, а также осмысление успехов Китая в инновационной политике последних десятилетий. Для этого проясняются основные термины – технократия и технократизм. В первом случае речь идет о претензии на власть со стороны определенного социального слоя «технократов» (научно-технической элиты, экспертного сообщества). Второй термин означает теорию общественного развития, в основе которой лежит методология технологического детерминизма, абсолютизирующая развитие техники и технологии и представляющая технику как основу социального прогресса. В связи с этим ставится вопрос о соотношении технократических идеалов и демократических ценностей. Это позволяет лучше понять историю становления и развития в Китае социальной оценки техники (Technology Assessment, TA) и RRI-подхода (англ. Responsible Research and Innovation – ответственные исследования и инновации). RRI-подход представляет собой обширный набор практик рационального формирования техники с учетом ценностей общества. Анализ западноевропейских источников последних лет показывает, что связь между TA/RRI и демократией не только исторически обусловлена, но и систематически необходима. Социальная оценка техники возникла более 50 лет назад на Западе для поддержки общественного принятия решений по вопросам научно-технической политики на демократической основе и с тех пор тесно связана с демократией. Этот принципиальный момент обусловлен тем, что прогнозы и сценарии технологического будущего должны быть плюралистичными и включать в себя максимальное число участников диалога – не только экспертное сообщество и политиков, но и дилетантов, рядовых граждан. Такая трансдисциплинарная модель участия (или participatory turn) указывает на принципиальную применимость TA/RRI только к условиям открытого, демократического общества, где не может быть признан один единственный вариант будущего, а принятие решений осуществляется через сложный механизм социальных коммуникаций. Главный вопрос заключается в следующем: возможна ли, и если да, то каким образом, практика TA/RRI за пределами западноевропейских демократий, прежде всего в Китае? Готово ли китайское общество к восприятию демократических идей в условиях авторитарной власти с ее установкой на идеалы технократии и однопартийную политическую систему? Эти вопросы особенно актуальны сегодня, когда все чаще говорят о становлении «цифровой диктатуры» Китая и глобальном кризисе демократии. В свою очередь, «китайский кейс» дает новый материал для теоретического осмысления проблемы национальных моделей TA/RRI и российской модели в частности. В приложении мы представляем перевод статьи китайского профессора Лю Юнмоу из Народного университета Китая (Пекин) «Преимущества технократии в Китае», в которой он продвигает концептуальную идею мягкой формы технократии, как наиболее релевантной социально-политическим реалиям Китая для ответа на глобальные вызовы современности.

Ключевые слова: технократия, технократизм, делиберативная демократия, инженеры, социальная оценка техники (COT), ответственные исследования и инновации (ОИИ), национальные модели COT, «партисипативный поворот», Лю Юнмоу.

TECHNOCRACY VS DEMOCRACY: IS SOCIAL ASSESSMENT OF TECHNOLOGY POSSIBLE IN CHINA?

Elena V. Seredkina

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russian Federation

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2506-2374>

The study aims to analyze the phenomenon of Chinese technocracy and to realize China's success in innovation policies of recent decades. Therefore the main terms – technocracy and technocratism – are clarified. In the first case, we are talking about a "technocrats" claim to power (a certain social stratum, the scientific and technical elite, expert community). The second term is a theory of social development based on methodology of technological determinism that absolutizes technologies and technological changes and sees technology as the basis of social progress. In this regard, the question concerned correlation of technocratic ideals and democratic values arises. This allows a better understanding of development Technology Assessment (TA) in China as well as the RRI-approach (Responsible Research and Innovation). The RRI-approach is a comprehensive approach of co-design technology that takes into account values of society. Analysis of recent West European sources shows that connection between TA/RRI and democracy is not only historical imperative, but also necessary from systematic point of view. Technology assessment developed in the West more than 50 years ago to support opinions and decision-making on issues of scientific and technical democratic policy. Since then, it has been closely linked to democracy. It is necessary to point out that forecasts and scenarios of technological future must be pluralistic and involve the maximum number of participants not only the expert community and policy makers, but also laymen and ordinary people. We can reach such a "participatory turn" only in open, democratic society where there are many models of desirable future, and decision-making is carried out through a complex mechanism of social communications. The main question is whether TA/RRI are possible beyond Western European democracies and if so, how to bring theirs to life particularly in China. Is Chinese society ready to accept democratic ideas under authoritarian power based on technocratic ideals and one-party political system? These issues are especially relevant today when discussing development of Chinese "digital dictatorship" and the global crisis of democracy. The "Chinese case", in turn, provides new material for theoretical understanding of national TA/RRI models and the Russian one, in particular. In appendix we include the translation of article "The Benefits of Technocracy in China" by Chinese professor Liu Yongmou from Renmin University of China (Beijing). In the article he promotes the conceptual idea of a soft form of technocracy as the most relevant Chinese socio-political reality to respond to today's global challenges.

Keywords: technocracy, technocratism, deliberative democracy, engineers, technology assessment (TA), responsible research and innovation (RRI), national models of TA, participatory turn, Liu Yongmou.

Осмыслению феномена технократии уделяется недостаточное внимание в философских журналах последних лет. В лучшем случае речь идет о критическом анализе технократической парадигмы советской эпохи в контексте демократизации России в 90-х годах XX века [1, 2]. Однако идеи технократии актуальны в современном мире «подрывных инноваций» как никогда и требуют немедленного прояснения, особенно в свете движения трансгуманистов с их установкой на киборгизацию тела, а также становления «цифровых диктатур» как возможных сценариев развития на пути дальнейшей «дигитализации» общества [3]. В связи с этим интересен опыт Китая, который демонстрирует серьезные успехи в инновационной политике и делает ставку на развитие передовых технологий. Так, китайская экономика растет в три раза быстрее американской. Если в 2000 году Китай контролировал 4 % мировой экономики, а США – 31 %, то сегодня Китай контролирует 15 %, а США – 24 %. План «Сделано в Китае 2025» подразумевает мировое лидерство Китая во всех ключевых технологиях, таких как искусственный интеллект (ИИ), робототехника, космос, авиация, беспилотные автомобили, квантовые компьютеры, новая энергетика. Особенно Китай сконцентрирован на развитии суперинтеллекта и уже сегодня делает успехи в гонке ИИ [4]. Американские футурологи Джон и Дорис Нейсбит уверены, что в недалеком будущем Китай будет играть ключевую роль в мировой экономике и станет главным связующим звеном «южного пояса» (Азия, Африка и Латинская Америка), где проживает более 80 % населения планеты [5]. Главный инструмент для достижения этой цели – крупнейший в истории человечества глобальный инфраструктурный проект «Один пояс – один путь».

Как удастся Китаю столь эффективно реализовывать на практике концепцию инновационного развития в условиях не демократической (с точки зрения Запада) формы правления? Ответ на этот вопрос следует искать в технократических установках китайских политиков.

Но для начала необходимо провести различие между терминами «технократия» и «технократизм». В первом случае речь идет о претензии на власть со стороны определенного социального слоя «технократов» (научно-технической элиты, экспертного сообщества). Второй термин описывает теорию общественного развития, в основе которой лежат методология технологического детерминизма, абсолютизирующая развитие техники и технологии и представляющая технику как основу социального прогресса.

Итак, идеалы технократии чрезвычайно сильны в китайском обществе. Более того, некоторые китайские ученые продвигают концепт «мягкой» формы технократии как наиболее релевантный ответ на сложные научно-технологические и социально-культурные вызовы современности. Но для этого необходимо сначала преодолеть негативные смыслы и коннотации в западноевропейском дискурсе, посвященном анализу феномена технократии. С точки зрения западной интеллектуальной традиции «технократический менталитет» в корне противоречит идеалам демократии (технологический детерминизм, неприятие идей открытости и равенства, преобладание прагматического начала над идеологией и моралью и т.д.). Профессор Лю Юнмоу в представленной ниже статье «Преимущества китайской технократии пишет: «В развитых западных странах технократия подвергается многочисленной критике. Марксисты атакуют ее за то, что технократы помогали капитализму контролировать рабочих. Гуманисты утверждают, что технократия превращает людей в машины. Либералы критикуют ее за посягательство на личную свободу. Сторонники историзма и релятивисты критикуют научные принципы и технологические методы за нежелание адаптироваться к человеческому обществу».

Таким образом, позиция Лю Юнмоу в целом прямо противоположна западной. С его точки зрения, на данном этапе развития умеренная форма технократии больше соответствует социально-политическим реалиям Китая, чем либеральная демократия. Вслед за К. Поппером он называет это «поэтапной социальной инженерией». При этом он опирается на наследие Т. Веблена и Дж. Гэлбрейта, которые оказали огромное влияние на китайских интеллектуалов и распространение технократических идеалов в китайском обществе. «Наряду с Поппером, Дьюи и другими, я думаю, что определенная форма мягкой технократии была бы более прогрессивна для Китая, чем другие сценарии развития, продвигаемые Западом, поскольку последние подчеркивают лишь ценности демократии и не учитывают специфический политический и исторический контекст, в рамках которого и осуществляется развитие социальных институтов управления в Китае».

В современном Китае отношение к технократии более благоприятное, чем в других странах. Истоки этой симпатии лежат в традиции, конфуцианских ценностях. Технократия соответствует китайской традиции элитарного отбора, конфуцианскому идеалу «благородного мужа», которая выражается словами «превозносить добродетельных и способных». В этом смысле можно говорить, что идеи технократии также близки платоновскому «Государству», как и другим меритократическим концепциям, согласно которым власть должна принадлежать «экспертам», то есть наиболее компетентным и просвещенным избранным без учета их социального статуса. Ученые и инженеры, призванные управлять экономикой в технократическом обществе, – это своего рода те же «благородные мужи» Поднебесной или «философы» в утопии Платона.

Истоки современных идей технической меритократии следует искать в работе Т. Веблена «Инженеры и ценовая система» [6]. В ней американский мыслитель развивает мысль о том, что технические эксперты должны сменить капиталистов-финансистов во имя промышленного, экономического и социального прогресса. Веблен был уверен, что только технические специалисты могут осуществлять рациональное управление обществом. Развитие идей Веблена было продолжено в трудах Дж. Гэлбрейта [7]. В какой-то мере острое критики мыслителей технократического

толка было направлено против капиталистического общества, хотя многие из них старались держаться в стороне от политических и экономических движений как левого, так и правого толка. И все же сама концепция технократии вобрала в себя многое из идей рабочего самоуправления и индустриальной демократии (У.Г. Смит), и в этом смысле ее идеологическое ядро соответствует установкам современного Китая, который вынужден продвигать социалистические идеи в рыночных условиях. О сходстве между технократией и социализмом говорит и Лю Юнмоу (например, общее содействие экономическому планированию, уверенность в гибели капитализма из-за проблем, создаваемых производством, сильный акцент на ценностях науки и техники).

В связи с этим можно поставить вопрос о соотношении технократических идеалов и демократических ценностей. Это позволит лучше понять историю становления и развития в Китае социальной оценки техники (Technology Assessment, TA) и RRI-подхода (англ. *Responsible Research and Innovation* – ответственные исследования и инновации). Социальная оценка техники получила широкое распространение и государственную поддержку в наши дни на Западе. Во многих европейских странах существуют академические учреждения этого профиля, а также соответствующие бюро в парламенте [8, с. 6–7]. RRI представляет собой обширный набор практик рационального формирования техники с учетом ценностей общества. И действительно, с начала 2000-х годов можно говорить о новом этапе развития ТА. Речь идет о более активном и осознанном вовлечении граждан в обсуждение вопросов, связанных с научно-технической политикой и инновациями. Такой «партиципативный поворот» (*participatory turn*) наблюдается во всех сферах науки и жизни. Это уже не просто междисциплинарный диалог полисимейкеров и экспертов, а трансдисциплинарное коммуникативное пространство, в которое включены многочисленные стейкхолдеры, в том числе рядовые граждане, дилетанты. (RRI-подход как раз и демонстрирует эту установку на дальнейшую демократизацию науки и общества.)

Трансдисциплинарная модель ТА/RRI рассматривается сегодня многими учеными как инструмент демократизации общества. Еще в 60-е и 70-е годы американские философы техники неоднократно говорили о важности привлечения широких социальных слоев в ТА-практику с целью демократического контроля над наукой и технологиями. Однако этого не произошло. В одной из своих статей американский ученый Дж. Садовский анализирует историю становления и развития Офиса оценки техники (ОТА) в Конгрессе США. По Садовскому, главная причина провала этого проекта – дефицит общественного участия [9, р. 17–19]. Но американский опыт не пропал даром: аналоги ОТА появились во многих европейских странах, прежде всего в Германии, Австрии, Нидерландах, Дании.

Большую роль в становлении демократического облика науки сыграл немецкий философ Ю. Хабермас, один из ключевых авторов теории делиберативной демократии. Эта теория лучше всего отражает «партиципативный поворот» в ТА-практике. В условиях постоянно меняющихся под воздействием технологий общественных отношений у государства возникает потребность в наиболее рациональном управлении обществом, которое бы максимально отвечало социальным запросам и потребностям граждан. Ответом на этот общемировой вызов является тенденция демократизации власти. Ю. Хабермас подчеркивает особую роль рационального коммуникативного действия в делиберативной демократии. В переводе с латинского «*deliberation*» означает «размышлять», «советоваться», «консультировать». В английском языке «*deliberation*» понимается как обсуждения или дискуссии. В этом контексте делиберация означает акт размышлений, тщательные обсуждения и экспертизу. При этом делиберативная демократия предполагает диалог между различными социальными группами и заинтересованными сторонами (стейкхолдерами). В нашем случае это и есть RRI-подход.

Директор Института оценки техники и системного анализа г. Карлсруэ профессор А. Грунвальд, изучающий экспертную деятельность и участие в общественных дебатах, посвященных техническим проектам, маркирует такую деятельность как «рациональное общественное формирование техники как учебный процесс» [10, s. 47–49]. Другими словами, в условиях технологического риска, неопределенного знания и постоянно меняющегося социального контекста общество должно быть готово к постоянному пересмотру и обновлению своих теорий развития и образцов поведения.

Социальная оценка техники возникла более 50 лет назад на Западе для поддержки общественного принятия решений по вопросам научно-технической политики и с тех пор тесно связана с демократией. Этот принципиальный момент обусловлен тем, что прогнозы и сценарии технологического будущего должны быть плюралистичными. А это применимо только к условиям открытого, демократического общества, где не может быть признан один единственный вариант будущего, а принятие решений осуществляется через сложный механизм социальных коммуникаций.

В связи с этим остро встает вопрос, возможна ли, а если да, то каким образом, социальная оценка техники за пределами демократического Запада, в частности в Китае и России? Этой теме мы посвятили много статей [11, 12]. Последние работы немецких специалистов в области ТА в целом ставят под сомнение такую возможность. С их точки зрения, «социальная оценка техники – это дитя демократии» [13, s. 12]. ТА-практика «не просто была порождением западного демократического общества, но изначально внедрялась и развивалась именно как инструмент демократизации» [14, p. 40].

Что же представляет собой сегодня китайская модель ТА/RRI?¹ Основная черта китайской модели социальной оценки техники – это ведущая роль государства при нехватке общественной инициативы. Тем не менее материалы последних конференций по ТА в КНР показывают одну важную тенденцию: китайское научное сообщество при поддержке правительства пытается найти срединный путь между «ответственными инновациями» и «вынужденным технократизмом» (Liu Yongmou, Zhao Yandong, Miao Liao, Gao Lu, Wang Xiaowei и др.). Можно выделить две особенности китайской технократической парадигмы – сциентизм и социализм. В первом случае речь идет о практике внедрения в правительство все большего числа инженеров и ученых. Уже сейчас правительство Китайской Народной Республики находится под большим влиянием науки. Китайские политики-технократы рассматривают современные высокие технологии (Big Data, Deep Mind, ИИ) как некий механизм самоочищения и гарант защиты против политического произвола и чрезмерного бюрократизма. Сциентизм обеспечивает качество принятия политических решений, в том числе и в сфере научно-технической политики. Однако, как подчеркивает профессор Лю Юнмоу, концепция технократизма играет вторичную роль и подчинена идее социализма. В связи с этим перед китайскими учеными стоит творческая задача адаптировать технократическую парадигму к китайскому социально-политическому контексту, прежде всего к социалистической демократии. Власть эксперта-технократа в таком обществе ограничена и должна корректироваться гражданской инициативой снизу.

Таким образом, можно говорить о становлении и развитии китайской модели ТА/RRI. Приоритетность принципам технократизма играет временную и вспомогательную роль. С повыше-

¹ То, что китайские ученые включены во многие международные проекты, посвященные социальной оценке техники и ответственным инновациям (например, RRI Practice), а также проводят многочисленные конференции по этой тематике, подтверждает тот факт, что в Китае действительно существует обширная сеть ученых, которые активно сотрудничают со своими коллегами за рубежом, а также политиками и общественностью внутри страны по вопросам научно-технической политики. Так, за последние 2 года автор статьи принял участие в трех китайских конференциях, посвященных ТА/RRI на базе Пекинского педагогического университета (март 2017), Народного университета Китая (октябрь 2017), Института естествознания Китайской академии наук (май 2018).

нием уровня жизни и качества образования китайское общество будет становиться более открытым и демократическим. И хотя технократическая парадигма с ее установкой на прагматизм, рационализм и сциентизм может зайти слишком далеко и создать свои собственные проблемы, по крайней мере, у Китая будет шанс занять достойное место в новом глобальном мире и на равных с другими развитыми странами противостоять дегуманизирующему потенциалу современной техники.

Список литературы

1. Динес В.А., Николаев А.Н. Власть и знание: эволюция технократических концепций // Власть. – 1998. – № 10–11. – С. 106–112.
2. Перспективы технократии и технократизма в современной России / Б.В. Сазонов, Э.М. Коржева [и др.] // Российское общество: социологические перспективы: сб. науч. тр.; отв. ред. Б.В. Сазонов. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – С. 148–166.
3. Ковачич Л. Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру [Электронный ресурс]. – URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (дата обращения: 15.01.2018).
4. Ding J. Deciphering China's AI Dream. The context, components, capabilities, and consequences of China's strategy to lead the world in AI. – Oxford: University of Oxford, 2018. – URL: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (accessed 26 April 2018).
5. Naisbitt J., Naisbitt D. Global Game Change: How The Global Southern Belt is Reshaping Our World. – NY: Sage Publications, 2016. – 268 p.
6. Веблен Т. Инженеры и ценовая система / пер. с англ. И. Кошкина; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 112 с.
7. Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества / пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. акад. Н.Н. Иноземцева. – М.: Прогресс, 1979. – 405 с.
8. Железняк В.Н., Железняк В.С. Будущее во множественном числе: социальная футурология техники в Германии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 2. – С. 5–16.
9. Sadowski J. Office of Technology Assessment: History, implementation, and participatory critique // Technology in Society. – 2015. – No. 42. – P. 9–20.
10. Grunwald A. Technikzukünfte als Medium von Zukunftsdebatten und Technikgestaltung. – Karlsruhe: KIT Scientific Publishing, 2012. – 188 s.
11. Середкина Е.В. Социальная оценка техники в поворотные времена: вызовы трансдисциплинарности и национального // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 2. – С. 66–73.
12. Seredkina E. Technikfolgenabschätzung in Wendezeiten: Herausforderungen der Transdisziplinarität und des Nationalen // 'Grand Challenges' meistern. Der Beitrag der Technikfolgenabschätzung / Herausgegeben von Prof. Dr. Michael Decker, Dr. Ralf Lindner und andere. – Baden-Baden: Nomos Verlag, 2018. – 420 s.
13. Bösch S., Dewald U. Theorie der Technikfolgenabschätzung reloaded // TATuP – Zeitschrift für Technikfolgenabschätzung in Theorie und Praxis. – Karlsruhe: ITAS, München: oecom verlag. – 2018. – No. 27 (1). – S. 11–13.
14. Grunwald A. Technikfolgenabschätzung und Demokratie. Notwendige oder kontingente Verbindung? // TATuP – Zeitschrift für Technikfolgenabschätzung in Theorie und Praxis. – Karlsruhe: ITAS, München: oecom verlag. – 2018. – No. 27 (1). – S. 40–45.

References

1. Dines V.A., Nikolaev A.N. Vlast' i znanie: evolutsiia tekhnokraticeskikh kontseptsii [Power and knowledge: the evolution of technocratic concepts]. *Vlast'*, 1998, no. 10-11, pp. 106-112.
2. Perspektivy tekhnokratii i tekhnokratizma v sovremennoi Rossii [Perspectives of technocracy and technocracy in modern Russia]. *Rossiiskoe obshchestvo: sotsiologicheskie perspektivy*. Ed. B.V. Sazonov Moscow, Editorial URSS, 2000, pp. 148-166.
3. Kovachich L. Bol'shoi brat 2.0. Kak Kitai stroit tsifrovuiu diktaturu [The Big Brother 2.0. How China builds a digital dictatorship], available at: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (assessed 15 January 2018).
4. Ding J. Deciphering China's AI Dream. The context, components, capabilities, and consequences of China's strategy to lead the world in AI. Oxford, University of Oxford, 2018, available at: <http://carnegie.ru/commentary/71546> (assessed 25 April 2018).
5. Naisbitt J., Naisbitt D. Global Game Change: How The Global Southern Belt is Reshaping Our World. New York, Sage Publications, 2016, 268 p.
6. Veblen T. Inzheneri i tsenovaia sistema [Engineers and the price system]. Moscow, Vysshiaia shkola ekonomiki, 2018, 112 p.
7. Galbraith J. Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva [Economic theories and society objectives]. Moscow, Progress, 1979, 405 p.
8. Zhelezniak V.N., Zhelezniak V.S. Budushchee vo mnozhestvennom chisle: sotsial'naia futurologiia tekhniki v Germanii [Future in the plural: social futurology of technics in Germany]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2016, no.2, pp. 5-16.
9. Sadowski J. Office of Technology Assessment: History, implementation, and participatory critique. *Technology in Society*, 2015, no. 42, pp. 9-20.
10. Grunwald A. Technikzukünfte als Medium von Zukunftsdebatten und Technikgestaltung. Karlsruhe, KIT Scientific Publishing, 2012, 188 s.
11. Seredkina E.V. Sotsial'naia otsenka tekhniki v povorotnye vremena: vyzovy transdistsiplinarnosti i natsional'nogo [Technology assessment in changing times: challenges of transdisciplinarity and nationality]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2017, no.2, pp. 66-73.
12. Seredkina E. Technikfolgenabschätzung in Wendezeiten: Herausforderungen der Transdisziplinarität und des Nationalen. 'Grand Challenges' meistern. *Der Beitrag der Technikfolgenabschätzung*. Herausgegeben von Prof. Dr. Michael Decker, Dr. Ralf Lindner und andere. Baden-Baden, Nomos Verlag, 2018, 420 s.
13. Bösch S., Dewald U. Theorie der Technikfolgenabschätzung reloaded. *TATuP – Zeitschrift für Technikfolgenabschätzung in Theorie und Praxis*. Karlsruhe, ITAS, München: oekom verlag, 2018, no. 27 (1), s. 11–13.
14. Grunwald A. Technikfolgenabschätzung und Demokratie. Notwendige oder kontingente Verbindung? *TATuP – Zeitschrift für Technikfolgenabschätzung in Theorie und Praxis*. Karlsruhe, ITAS, München: oekom verlag, 2018, no. 27 (1), s. 40–45.

Приложение

ПРЕИМУЩЕСТВА ТЕХНОКРАТИИ В КИТАЕ²

Лю Юнмоу

После реформ и политики «открытых дверей», которые начал Дэн Сяопин в 1978 году, любой наблюдатель мог отметить тот факт, что у многих лидеров КНР техническое образование. Так, среди высшего руководства Китая техническое образование имеют президент Цзянь Цзэминь (1993–2003), Ху Цзиньтао (2003–2013), Си Цзиньпин (2013 – по настоящее время), хотя впоследствии президент Си занимался научной работой в области управления и права. Однако влияние технического образования ощущается не только в высших кругах. То же самое можно сказать и о значительной части правительственных чиновников на городском, провинциальном и национальном уровне. Например, более половины чиновников из двадцати правительственных министерств, составляющих Государственный совет, имеют техническое образование или инженерный опыт работы. Одно время иностранные аналитики даже считали, что Китай функционирует как своего рода технократия, то есть нация, во главе которой стоят чиновники, получившие доступ к власти благодаря техническому образованию. Такой подход был подвергнут критике. В целом эта оценка отражает западную точку зрения, согласно которой технократическое управление по своей сути является антидемократическим и даже дегуманизирующим.

Но что сегодня означает технократия, особенно в Китае? Имеет ли китайская форма технократии некоторые положительные стороны, учитывая последние успехи Китая в мировой экономике и политике? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно углубиться в историю и осознать влияние целой череды унижительных поражений. Это и опиумные войны 1840-х и 1860-х годов,

² © Середкина Е.В. (пер. с англ.), 2018.

Перевод на русский язык публикуется в авторской редакции.

когда Китай был вынужден разрешить импорт опиума во имя «свободной торговли», и ограбление Летнего дворца, и война 1895 года, когда Россия захватила полуостров Ляодун, а Япония заняла Тайвань, остров Пэнху и позже Корею. Это и боксерское восстание 1899 года, направленное против христианских миссионеров, на которое Великобритания, Франция, США, Япония и Россия ответили мародерством и насилием в Тяньцзине, Пекине и других местах. В ответ на эти поражения китайская интеллигенция превратила идею мыслителя династии Цин Вэй Юаня «учиться у Запада, чтобы победить Запад» в девиз общественного движения.

Молодая республика под руководством правительства Нанкина училась у Запада сознательно использовать технократический подход. Число китайцев, получивших образование в Соединенных Штатах в 1920-х годах, быстро росло. Возвращаясь домой, они становились проводниками новых технократических идеалов, разработанных такими американскими учеными, как Торстен Веблен и Говард Скотт. Ло Лунци – яркий тому пример. С 1922 по 1923 год он учился в Колумбийском университете и по возвращении в Китай опубликовал ряд статей, посвященных «экспертной политике», как он называл тогда технократию. Впоследствии Ло основал Китайскую демократическую лигу, которая до сих пор остается одной из восьми некоммунистических политических партий, представленных в Конгрессе народных представителей.

Для начала нужно было победить разруху и хаос в стране, вызванные в 1911 году падением династии Цин и последовавшей за этим гражданской войной, а также нападением японцев. После победы Мао Цзэдуна и коммунистов в гражданской войне и объявления 1 октября 1949 года Народной Республики встал вопрос о приоритете – политическая консолидация или техническое развитие.

Вплоть до смерти председателя Мао в 1976 году идея «красной чистки» преобладала над экспертным знанием. Катастрофа «великого скачка» (1958–1961) как раз и была связана с игнорированием инженерного опыта, особенно в сфере сельского хозяйства, а также последствиями Культурной революции (1966–1976), во время которой были закрыты многие университеты. Реформы и политика «открытых дверей», начавшиеся через два года после смерти Мао, предоставили возможность реабилитировать экспертное знание как в технической, так и экономической сфере. Научно-технические успехи таких стран, как Сингапур, Южная Корея, Тайвань, заставили нового лидера Дэн Сяопина выдвинуть инженеров на важные правительственные должности. Ху Яобан, председатель Коммунистической партии (1981–1982) и ее генеральный секретарь (1982–1987) пошел еще дальше и потребовал, чтобы все руководители государственных структур имели специализированное техническое образование. Технократическая практика научного управления, которую Владимир Ленин называл эксплуататорской при капитализме и полезной при социализме, связала инженерные науки и экономику.

Разновидности технократии

Прежде чем обсуждать, что такое китайская технократия, я хотел бы сделать короткий исторический экскурс и проанализировать, как понимался этот термин в западной интеллектуальной традиции. Политолог Роберт Патнэм в одном из немногих эмпирических исследований, посвященных технократии, определяет технократов как людей, способных «осуществлять власть на основе технических знаний». При этом он описывает пять ключевых особенностей «технократического менталитета»:

- 1) уверенность в том, что социальные проблемы могут быть решены с помощью научных или технических средств;
- 2) скептицизм или враждебность по отношению к политикам и политическим институтам;

- 3) минимум сочувствия к таким демократическим ценностям, как открытость и равенство;
- 4) преобладание прагматического начала над идеологией и моралью;
- 5) апология технического прогресса как материального производства без учета факторов общественного распределения или социальной справедливости.

В другой своей работе 1977 года Патнэм выделяет два типа технократов – экспертов в области инженерно-технических наук и экономистов. Эти две группы расходятся по третьему, четвертому и пятому пунктам. Понятно, что последние будут придавать больше значения политике и интересоваться вопросами социальной справедливости.

В своем последнем труде «Сциентизм и технократия в XX веке: наследие научного управления» (2016) Ричард Олсон пересмотрел итоги сравнения вышеназванных типов и предположил, что в последующем десятилетии мы станем свидетелями переворота. Современное техническое образование все чаще требует учитывать сложный социальный контекст с его политической ангажированностью и идеями социального равенства. В свою очередь, экономика становится более зависимой от количественных показателей и уже не так тесно связана с социальными проблемами.

Однако никто из авторов не говорит о важности для современных обществ так называемой ограниченной, или секторальной технократии. Технические знания являются основой любой власти. В демократическом обществе полномочия могут быть делегированы, например, военным, врачам и инженерам-строителям. В то же время при демократии могут оспариваться полномочия технократов в области эволюционной биологии, сельского хозяйства и изучения климата.

Такие различия помогают осознать потенциальную угрозу со стороны технократии. Короче говоря, техническая элита во главе государства (технократия) и менеджмент на основе принципов научного управления (технократизм) – не одно и то же. При осуществлении политической власти технические элиты, такие как инженеры и экономисты, опираясь на свой авторитет и опыт, могут продвигать такую политику, которая не является чисто технической. При этом они легко могут жертвовать интересами тех, кому обязаны служить.

В развитых западных странах технократия подвергается многочисленной критике. Марксисты атакуют ее за то, что технократы помогали капитализму контролировать рабочих. Гуманисты утверждают, что технократия превращает людей в машины. Либералы критикуют ее за посягательство на личную свободу. Сторонники историзма и релятивисты критикуют научные принципы и технологические методы за нежелание адаптироваться к человеческому обществу.

Однако современное техно-научное общество в решающей степени зависит от некоторого уровня технократического управления. Мэр города не может обеспечить безопасность водоснабжения, не спрашивая инженеров об их разработке; губернаторы не могут содействовать профилактике региональных заболеваний и здравоохранению без медицинских работников и специалистов в области общественного здравоохранения; они не могут уменьшить загрязнение окружающей среды без технических экспертов для контроля качества воздуха и воды. Главы правительств не знали бы об озоновой дыре и глобальном изменении климата без научных советников. Усиление роли технократических элит в практике управления, даже когда оно находится под наблюдением не-технократических элит, является сегодня важной особенностью всех социальных процессов.

Возможно, это и стало причиной того, что ее (технократию) так часто критикуют. Конечно, в этом есть определенный смысл. Современная политика отличается своего рода всеобщим недовольством и непреднамеренными последствиями техно-научного мира, которые, наряду со всеми его преимуществами, лишают нас традиционных свобод и стабильности.

Технократия в китайском стиле

В своей работе «Китайская модель: политическая меритократия и границы демократии» (2015) политический теоретик Дэниел А. Белл позитивно оценивает современную ситуацию в Китае. По Беллу, многие китайские лидеры, прежде чем достигнуть высот власти, долгое время управляли городами и провинциями, служили в министерствах. Это помогло им накопить знания как в области инженерного дела, так и в экономике. Демократии Запада (особенно американская) с их подходом «один человек – один голос» часто обходят этот вопрос стороной. Тот факт, что независимые опросы неоднократно демонстрировали высокий уровень общественного удовлетворения правительством в Китае (выше, чем в западных демократиях), дает веский аргумент в пользу легитимности китайской системы управления.

Безусловно, Китай сегодня переживает героический этап развития в области урбанизации и развития инфраструктуры, что было бы невозможно без серьезной технической подготовки, играющей важную роль в осуществлении политической власти. На протяжении десятилетий Китай делал ставку на обучение инженеров. Это вызывает озабоченность в технических кругах США. Согласно докладу Национальной академии США «Поднимаясь над надвигающимся штормом» (2007), в Китае 50 % всех студентов получают ученые степени в области технических наук, тогда как в Соединенных Штатах всего 15 %. На праздновании 20-летия Китайской инженерной академии в 2014 году президент Си не только произнес приветственную речь, в которой высоко оценил вклад китайских инженеров в современную экономику, но и слушал доклады и делал пометки во время выступлений европейских и американских ораторов. При этом он публично заявил о своей двойной роли, политического лидера и технического эксперта. Трудно представить, чтобы президент США делал то же самое.

И все же интерпретация Дэниелом Беллом Китая как мягкой формы технократии не совсем корректна с точки зрения путей выбора и продвижения политической элиты в Народной Республике. Механизм прихода к власти китайских политических деятелей определяется не только институциональными процессами, но по-прежнему сильно зависит от личных отношений. К сожалению, многие эксперты приходят к власти не в силу своей компетентности или технической профессиональной квалификации. Лояльность по отношению к идеологии и политике Коммунистической партии Китая, равно как и укрепление связей с ее лидерами, до сих пор играют решающую роль.

Таким образом, ситуация в Китае в отношении технократии сложна и неоднозначна. С 1978 года в правительстве появилось много технических экспертов, благодаря чему была создана ограниченная, или мягкая форма технократии. Но идеал социализма не был заменен идеалом технократии. Конечно, методы использования инженерных и экономических знаний китайскими техническими экспертами еще далеки от прозрачности, особенно на высшем уровне.

Тем не менее в Китае сегодня существует более благоприятное отношение к технократии, чем в других странах. Я вижу три причины этого. Во-первых, наследие сциентизма. Начиная со второй половины XIX века желание преодолеть свою отсталость усиливало веру в науку в китайском обществе. С тех пор, хотя условия изменились, сциентизм остается популярным, и китайцы склонны позитивно относиться к технократии.

Во-вторых, технократия соответствует китайской традиции элитарного отбора, конфуцианскому идеалу «благородного мужа», выраженной словами «превозносить добродетельных и способных». И хотя в конфуцианской традиции добродетель ставилась выше способностей и подчеркивала знание конфуцианской классики, а не западных технических работ, обе предполагают, что знание важнее, чем представление своих интересов на политической арене.

Наконец, существует тесная связь между социализмом и технократией. Социализм остается доминирующей идеологией в Китае. В свое время основоположник идеала технократии Анри де Сен-Симон был подвергнут критике со стороны Маркса и Энгельса, но его идеи утопического социализма оказали влияние на марксистскую теорию. Веблен, еще один важный защитник технократии, был в какой-то мере марксистом. Определенно существует сходство между технократией и социализмом: общее содействие экономическому планированию, уверенность в гибели капитализма из-за проблем, создаваемых производством, сильный акцент на ценностях науки и техники.

В современной китайской культуре присутствует позитивное отношение к технике, что является предпосылкой для развития своего рода технократии с китайской спецификой. В самом деле, я готов рассматривать определенные формы технократии как прогрессивные, особенно для Китая. Я придерживаюсь этой точки зрения не потому, что технократия обладает какими-то присущими ей добродетелями, а потому, что любая оценка технократии должна учитывать широкий политический контекст. Технократия – это лучшее и более справедливое использование власти, чем любая другая иерархическая система. Наследие долгой феодальной культуры до сих пор тормозит развитие современного Китая. На этом фоне технократия является наиболее эффективным способом решения социальных проблем, чем просто авторитарная политика, оторванная от технических знаний.

Более того, в социалистической системе, в которой политическая идеология играет видную роль, технократия может поднять статус интеллектуалов. Так, с 1949 по 1978 год (при правлении Мао Цзэдуна) китайская техническая элита была подвергнута угнетению. Даже сейчас они не получают того уважения, которое необходимо для процветания экономики знаний. В Китае слишком распространена иррациональная практика политической деятельности и принятия политических решений. Современная китайская административная система нуждается в сциентизме и рационализме. И хотя сциентизм и рационализм могут зайти слишком далеко и создать свои собственные проблемы, без них ситуация была бы еще хуже, тем более в Китае, где, как я уже отмечал выше, на пути политического продвижения существует слишком много [негативных] частных факторов.

С самого начала технократия принимала радикальные или умеренные формы. Технократы-радикалы стремились переобустроить человеческое общежитие, порождая трагедии централизованного планирования и крупномасштабной социальной инженерии. Напротив, умеренные технократы стремятся практиковать то, что Карл Поппер назвал «поэтапной социальной инженерией», то есть сначала провести надлежащие рациональные реформы в обществе, а затем оценить [их результаты] на основе фактических данных. Наряду с Поппером, Джоном Дьюи и другими, я думаю, что определенная форма мягкой технократии оказалась бы более прогрессивной для Китая, чем другие сценарии развития, продвигаемые Западом, поскольку последние подчеркивают лишь ценности демократии и не учитывают специфический политический и исторический контекст, в рамках которого и осуществляется развитие социальных институтов управления в Китае.

Получено: 30.04.2018

Принято к печати: 25.05.2018